

Наш корабль снаружи был как ограненный темный камень, а внутри него никогда не увядал живой сад. Все залы в анфиладах – произведения искусства, и нашей единственной задачей было вкусить рукотворной красоты днем, а ночью протянуть руки к красоте неба. В каждом зале был иллюминатор, занимающий почти весь потолок: нет ничего на свете спокойней, чем широта небосклона. Когда звездный свет лился сквозь атмосферу планеты и падал прямо на наши прекрасные тела, мы тонули в неге и дышали будущим рождением в Эльдорадо. Нас было четверо, но Армика сморщила бы аккуратный носик и поправила меня. Нас было трое — Рабов.

«Раб» — древнее слово. Оно появилось от «ранг» и стало именем нашей высшей касты.

Каждый новый удивительный день мы встречались с человеком неудачливым. Ему не повезло войти в наш круг. Он ритуально трогал наши тонкие хрустальные ошейники с выражением лица, исполненным почтения и зависти. Его звали Эрм, и он когда-то был в нашей четверке, готовящейся к выпуску в свет. Мы вместе изучали грамоту и Слово Свободы, вместе поднимались по прозрачному трапу Первого Лайнера и ждали вынесения приговора: кто из нас четырех будет обречен стать Хозяином, а не Рабом? К кому будет немилостива высокая культура, запирая его до самой смерти в каземат пугающей Ответственности? Эрм вытянул три черных шара и один белый, а в наших руках осталось равно шаров обоих цветов. С тех пор Эрм значился нашим Хозяином. Девушки предпочли не замечать существования бывшего друга, я единственный из четверки жалел его. Никто не ожидает, что несчастье свалится именно на него и уведет из рук ошейник Раба.

Мы не виделись около года. Эрм постигал низкую науку управления машинами, мы втроем пировали в Залах Славы, отмечая начало свободной жизни. Он вернулся и безропотно стал править нашим общим кораблем-домом: Эрм смирился, и из него получился отличный Хозяин.

Хо-зя-ин. Грубое слово. У него даже корней нет, как у слова «раб». Мы все знаем истории о том, как тонкие юные натуры, не прошедшие отбора в Первом Лайнере, теряли чуткость к окружающим: ведь так больно знать, что ты все еще не чист. Эрм до последнего дня сохранил деликатность: он редко показывался нам на глаза, не желая вызвать неудовольствие, и в то же время заботился о нас. За несколько лет я ни разу ни в чем не нуждался и, лишь утратив Хозяина, ступил на опасную тропу.

Жил Эрм отдельно от нас в маленькой рубке с металлическими полом, сте-

нами и потолком. Спал, откидывая спинку узкого капитанского кресла, ел в нем же. Он всегда был занят: проверял, правильно ли работают машины и не сбился ли корабль с курса. Мы постоянно двигались. Жизнь Раба – странствие между городами наслаждения. По пути мы любуемся дикой природой, а в сиянии открытого солнечного света – собой: ведь нет ничего прекрасней свободного от ответственности человека. В чертах Раба нет напряжения и злости. Мы не устаем от невзгод жизни и медленно старимся. Даже покрывшись сетью морщин, мы помним, что свободны от мук выбора, и дух спокойствия не покидает нас. Изо дня в день, как хрупкие бабочки, мы вкушаем амброзию нашей культуры, жертвуя всего лишь одним из четырех. Кто-то должен помнить, как заботиться об остальных, и так отплатить культуре за везение быть рожденным в ней.

Эрм приходил каждый день выказать нам уважение. И вдруг не пришел. Армика лишь пожала плечами: «Он же Хозяин, что с него взять? У него всегда могут появиться дела, и нам с ними соприкоснуться не стоит». Она брезгливо поджала губы: даже думать об Эрме ей было неприятно. А ведь до Первого Лайнера она любила его, надеясь, что Хозяином стану я. Грузная Эллойза обеспокоилась, но ничего не сказала, следуя за подругой. Как ни в чем не бывало они начали игру в вышитый мяч. Я крепился до вечера. Говорят, между мужчинами существует особая связь, которая называется «солидарность», и даже граница меж кастами не в силах уничтожить ее. Я сделал вид, будто иду читать книгу, а на самом деле направился напрямик к рубке. На корабле нет закрытых дверей для Рабов, хотя Армика и считала, что рубку нужно запечатать, тогда ей никогда больше не придется видеть Хозяина. Я раздвинул створки дверей в стороны, и в нос ударил слабый неприятный запах. Но то, что видели глаза, было еще хуже: на меня уставилось запрокинутое под странным углом лицо Эрма. Он сидел в кресле, но тело выглядело изломанным. Босая нога упиралась прямо в пульт управления, и скрюченные пальцы закрывали тревожно мигающие лампочки. Со страхом я положил руку ему на горло, твердое и холодное.

– Ты спишь?

Эрм не шелохнулся. Бездонные зрачки остались неподвижны, как будто в лед вмерз кусочек обгоревшей ветки. Я потряс Эрма, но ему не суждено было проснуться. Я стоял перед Хозяином, по-дурацки вспоминая, как мы учились и как жили вчетвером под крышей корабля, и внутри меня разлилась чернильным пятном пустота. Я никогда не задумывался, как много Эрм значит для меня.

Писк. Машины не оплакивали Эрма, как мне померещилось вначале, они подавали тревожные сигналы. Я снял хозяина с кресла и сел вместо него, вздрогнув: кожаное сидение не хранило ни грамма тепла. На экране под правой рукой обычно светилась карта с маршрутом путешествия. Мы ехали на сверкающие источники Коронима, и до них оставалось всего несколько дней пути по пустыне. Но я не видел на карте знакомых мест, и более того, за стеклом мелькали верхушки деревьев. Мы сбились с курса.

Эрм бы подал сигнал бедствия или выровнял маршрут. Я же был выбран Рабом, а не Хозяином. Даже простая мысль о том, чтобы прикоснуться к панели управления, вызывала отвращение. Растерявшись, я ушел в каюты к девушкам.

– Эрм умер. И мы больше не следуем в Короним.

Армика и Эллойза будто не услышали. Они продолжили играть, и мяч хлопал об их нежные ладони, не привыкшие ни к какому труду. Как и мои.

– Нужно что-то делать, — продолжил я. Армика резко повернулась и бросила мяч мне в голову.

– И что ты предлагаешь? Кому-то из нас пойти и занять его место? – Неприкрытая ярость хлестала из нее. И Армика была права. Как только кто-то возьмет ответственность на себя, он перестанет быть Рабом. Раз соприкоснувшись с грязным делом, рук не отмоешь.

– Мы же не можем курсировать вечно. Кто-нибудь да заметит нас, — прошептала Эллойза. — Давайте подождем?

– Элли умнее тебя говорит! Как вообще в голову могло такое прийти? — Армика фыркнула и забрала мяч. — Не ходи туда больше.

К счастью, Армика не следила за мной. Я не понимал, ведет меня в рубку сочувствие к Хозяину или же любопытство подбило под меня клинья. Моей размеренной спокойной жизни пришел конец. Я не мог больше играть с девушками или закрываться от реальности равнодушной панелью планшета. С назойливостью оводов мои мысли дразнили меня видениями золотистой панели управления, а еще мира, несущегося навстречу кораблю, а не пролетающего над головой, подобно сну. Я промаялся от этой болезни несколько часов и с необъяснимым ликованием ворвался в рубку. Еще чуть-чуть, и я позвал бы Эрма по имени: хотел поделиться с ним переживаниями, бившимися во мне снопом искр. Но его труп по-прежнему был здесь. Тело лежало так же, как я свалил его: — упираясь лицом в стену, поджав колени и вытянув вперед руки, как если бы Эрм пытался уйти из корабля. Жалкая фигура безмерно уставшего человека.

«Предсмертное желание», — кисло подумал я и взвалил на себя Эрма. Я плохо соображал, что делаю. Раньше я видел, как Эрм открывал для нас дверь. Всего лишь одна кнопка — и готово. Я нашел ее и нажал. Холодный Эрм обнимал меня сзади, и мне мерещилось, что с благодарностью. Дверь открылась, и я мгновенно заледенел на ветру. Я сбросил его тело вниз и вытянул шею, пытаюсь проследить, как Эрм покинет нас. Корабль слишком быстро пролетел над местом падения. Был Эрм — не стало. Я закрыл дверь и замер. Мне казалось, что на моей спине все еще есть груз. Что я сделал только что? Я поднял на плечи не Эрма, я поднял Ответственность.

Смыть. В ванной комнате я до красноты натирал кожу, царапал спину и шею, всматривался в воду, обманывая себя, что она имеет темный оттенок и я никак не могу отмыться от содеянного. Что-то застряло в легких, и дышать полной грудью не удавалось.

«Ну же, я всего лишь выкинул труп с корабля. Просто посмотреть, как он будет лететь. Я играл, а не исполнял долг перед Эрмом, и уж тем более не освобождал хозяйское кресло, чтобы самому туда сесть».

Я отодвинул створку двери в рубку, все еще повторяя мысленно эти слова. Мы летели прямо на закат, и медное солнце ослепило меня, предупреждая об опасности искушения. Я закрыл за собой дверь, но мне казалось, что это сделала тень — мое «злое я», сузившееся до темного скелета.

Панель управления блистала. Темные деревянные кнопки на золотом металле и мигающие красным и зеленым датчики заворожили меня. Мы набирали

много игрушек в городах, забывая ими шкафы, а потом, наигравшись вдоволь, вываливали на взлетной площадке, чтобы взять контейнеры с новыми. Мы ежедневно мерили множество платьев, недоступных Хозяевам, затянутым в скучную робу. Мы испробовали сотни игр в обществе друг друга. Одиночество же Эрма должен был омрачать труд, но в нем, как ни странно, была своя романтика. Она жила не в сердце корабля, занимаемом легкомысленно-возвышенными Рабами, а в его металлической рубке, расцветивая пространство. И в темноте, после захода солнца, я не мог уйти от пульта корабля. Свет во мраке зачаровал меня, стоящего рядом с креслом почившего Эрма.

Я знал, каким человеком был Эрм, но не мог знать, кем он стал, когда воздушный мир Рабов выбросил его. Каждый день Хозяина должен был быть днем горьким. Тогда почему этот пульт так волнующе прекрасен? Почему я не хочу сбежать отсюда, а даже (мне страшно это признавать, но страх тоже имеет новый, будоражащий вкус) мечтаю хотя бы на миг оказаться на месте Эрма... И во времени, когда он совершает выбор. Может ли быть приятна позорная Ответственность?

Моя рука, как чужая, потянулась вперед. Лампочки страшно подсветили ее снизу цветом запрета. словно обжегшись, я отдернул пальцы.

«Уж если так нейдет, можно попробовать понять Эрма по его вещам».

Я схватил с полки стопку дисков и сбежал из металлической ловушки. Створки дверей злобно щелкнули за спиной, и мне казалось, что звук разошелся по всем анфиладам корабля и долетел до ушей Армики и Эллойзы, выдав меня. Я притворился читающим, стуча бумажным веером по столу. Армика и впрямь появилась, подкралась, как хищница и выдернула из моих рук планшет.

– Что? — я изображал человека, выдернутого из реальности книги.

– Самоучитель барабанщика? Что за странный выбор? — она отдала мне книгу обратно.

– Так получилось...

Она не уходила. Поджала губы и изучала меня, ища приметы отступничества от доли Раба.

– Ты пугаешь меня, Айми. Ты правда больше не навещался в ту страшную комнату?

– В рубку?

– Как ни назови. Я не хочу потерять еще и тебя, — она отвернулась, чтобы я не видел лица.

Но мне не было жалко Армику. Наоборот, злость свела скулы, пальцы сжались на планшете, как когти.

– Значит, Эрм был для тебя потерян? А он, между прочим, жил рядом, за стенкой, но тебе стало наплевать на него после того, как он стал Хозяином!

– Стать Хозяином — все равно что умереть.

– Это ты так думаешь, а Эрм оставался живым. И, может быть, ему было больно видеть тебя, убившую его в своей голове. Ты жестока, Армика.

– А ты глуп, Айми. Как бы ты ко мне ни относился, прошу — не переходи черту.

– Мне кажется, ты беспокоишься больше о статусе нашей тройки, чем обо мне.

Тонкая рука оказалась тяжелой в ударе. Пощечина отрезвила меня. Как я мог довести дело до ссоры? Я, Раб, пришедший в мир ради удовольствия, послужил причиной обиды! Неужели ответственность так коверкает душу? Я отбарабанил на столе яростный ритм и пошел вслед за Армикой извиняться. Стопка синих дисков Эрма осталась на столе. Я думал, что никогда к ней больше не прикоснусь, однако...

Я смотрел на звезды, медленно пролетающие над крышей корабля, и вспоминал легенду об Эльдорадо. Раб живет в последний раз на земле, а после смерти летит в Эльдорадо, космический рай, где его ждут невообразимые наслаждения. Раб навсегда забывает боль и тревогу. Тело, требующее пищи, тепла, света и отдыха, больше не тяготит его призраками ответственности. Хозяева же рождаются снова: если повезет – Рабами, а если груз ответственности не был искуплен в прошлой жизни – снова Хозяевами. Эрм отличался от нас. Он был тревожен и сутул, особенно в первые годы после нашего разделения. Но со временем он словно исцелялся от недуга: осанка выпрямлялась, а глаза начинали смотреть сквозь нас, вдаль – в них поселялась неведомая нам мечта. Подумать только, у Рабов есть все, чего можно пожелать, но сравнятся ли сотни сокровищ богачей с одной драгоценной мечтой нищего? Звезды Эльдорадо меркли в сравнении с таинственным огнем, освещавшим лицо Эрма. Я тихо выбрался из спальни и в темноте нащупал стопку дисков. Может быть, в них я найду ответ на вопрос?

Прошло уже немало дней с тех пор, как умер Хозяин, но ни разу я не заговаривал с девушками о том, как скоро нас могут спасти. Они играли как ни в чем не бывало, а я вникал в нелегкую науку Хозяев. Книги Эрма назывались безобидно: «Учебник механики», «Инструкция по эксплуатации корабля типа «Номад-76»», «Основы внутрипланетной навигации». Откуда же я знал, что технические знания опасней крамольных книг, запрещенных для чтения? Я изучал учебники, как священное писание, водя пальцами над панелью управления и продолжая убеждать себя, что я всего лишь играю – в навигатора Эрма, в человека Эрма. Моя гибель произошла на семнадцатой странице «Инструкции», когда я прочитал главу «Чрезвычайные ситуации».

После того как я отведал запретный плод знания, я часами сидел в кресле Эрма, скрестив ноги наподобие статуй в Первом Лайнере. Бездействовал и упивался переменчивыми эмоциями. Когда в рубку зашла Армика, я хихикал, тыча пальцем в шар солнца, бледно проступавший сквозь снежную бурю. Я сравнивал себя с ним.

Армика сдернула меня с кресла, но я не мог остановить безумный смех: о грехах человека должен услышать человек, я больше не могу держать открытие в себе, я должен осветить свое преступление и принять последствия, иначе я на самом деле сойду с ума в этой золотистой, как солнечная кожа, рубке. Я вмиг стал серьезным, но испуганное личико Армики снова рассмешило меня.

– Ты побледнела. Не зря.

– Что ты сделал?

– Я узнал, как можно вернуть наш корабль на прежний курс или подать сигнал бедствия.

– И что с того?

– Я могу спасти нас. Но как только я нажму хотя бы одну кнопку на панели, я сделаю Выбор.

– Так не нажимай! – Армика вцепилась в мои плечи, словно я умирал и только ее хватка могла оставить меня среди живых.

– Поздно, — я убрал ее руки с себя. – Если я и не предприму ничего... это тоже Выбор.

Она молчала, глядя то на мое лицо, то на солнце. Поднялась, отряхивая одежду и потирая руки, – жест, который я часто видел: когда Эрм уходил от нас, Армика всячески показывала, как он нечист.

– Ты прав. Поздно.

– Ты ничего не хочешь сказать мне напоследок? Перед тем, как я умру для тебя?

– Я надеюсь, что твоя следующая жизнь будет последней и мы соединимся в Эльдорадо.

Армика мягко закрыла створки дверей. Я остался наедине с пылающим солнцем, видящим меня насквозь. Я должен был быть разбит и опустошен, но когда я поднял руки для последней игры, сильное предвкушение охватило меня. Я Выбрал не управление, а сигнал бедствия, чтобы подольше побыть Хозяином на этом корабле. Я Выбрал, и оковы ответственности не уничтожили меня, а подняли ввысь, к солнцу.

Никогда еще я не чувствовал себя таким свободным.